

Алексей Миллер, Фёдор Лукьянов

Сдержанность вместо напористости:

Россия и новая мировая эпоха



Авторы доклада:

Алексей Ильич МИЛЛЕР – профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессор Центрально-Европейского университета (Будапешт).

Фёдор Александрович ЛУКЪЯНОВ – главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Год назад авторы выпустили первый доклад в рамках проекта, задуманного в 2015 г. – на пике конфликта России и Запада, который зрел давно, но перешел в острую фазу с началом украинского кризиса¹. Тогда мы констатировали, что 2016 год «знаменовал исчерпание 70-летнего периода международных отношений, который состоял из двух стадий – холодная война 1940-х – 1980-х гг. и переходное время после распада Советского Союза. Мир стоит на пороге новой парадигмы».

События подтвердили сделанный вывод. Фигура нового президента США Дональда Трампа, который одержал сенсационную победу на выборах в ноябре 2016 г., стала даже визуальным воплощением конца прежней эпохи – у Соединенных Штатов никогда не было такого главы. Вне зависимости от того, чего ему удастся добиться на посту и сколь долго он на нем задержится, американская, а значит и мировая политика уже не будет такой, как до катаклизмов-2016. И «виноват» в этом, конечно, не Трамп (он не более чем симптом, продукт назревших перемен), а исчерпание политико-экономической модели мирового развития.

России это несет новые вызовы, но главное – требует переосмысления подходов. Четверть века со времени окончания холодной войны и распада СССР страна действовала в парадигме восстановления (в отдельных эпизодах применимо и более резкое понятие «реванш») – государственности, экономики, политической системы, международных позиций. Допуская некоторое упрощение, можно сказать, что все это время российское общество и государство развивались в шлейфе событий 1991 г. (и того, что к ним привело). Пройденный путь можно оценивать по-разному. Он сочетал в себе исторически неизбежное и конъюнктурно необязательное, вынужденное и надуманное, героические усилия и фатальные просчеты. Как бы то ни было, эпоха завершилась. В первую очередь потому, что она завершилась и на мировой арене в целом.

¹ Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности // Алексей Миллер, Фёдор Лукьянов http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf

В режиме «после холодной войны» существовала до недавнего времени не одна Россия, но и Запад, а, как следствие, международная политика вообще. Только Россия – с чувством поражения и желания наверстать упущенное, Запад – с ощущением эйфории и самолюбования. В период между 2008 и 2016 гг. (от мирового финансового кризиса до Брекзита и Трампа) упоение собой на Западе постепенно сменялось тревогой, в конце концов стало понятно, что все пошло не так, как предполагалось в конце прошлого столетия. И очень многое, если не почти все, надо начинать заново, исходя уже из других перспектив.

Общее и для Москвы, и для западных столиц обстоятельство состоит в следующем: ссылаться на то, что происходило в конце 1980-х – начале 1990-х гг., для легитимации собственных действий (неважно, идет ли речь об удержании возникшей тогда расстановки сил или о стремлении ее изменить), не имеет смысла. Это больше не служит действенным аргументом. Нужны доводы совсем нового качества. Попытке их наметить, осмыслить, что может происходить дальше, и посвящен этот доклад.

Авторы благодарят Центрально-Европейский университет в Будапеште за организацию международного семинара в марте 2017 г., он неизмеримо обогатил содержание доклада (список участников прилагается). Разумеется, текст не является общим согласованным мнением всех присутствовавших, и только авторы доклада, свободно пользовавшиеся высказанными идеями, несут за него ответственность. Особая благодарность Фонду Макартуров за финансовую поддержку проекта.

Что произошло за год. «Жесткая» трансформация Запада

Специфика ситуации состоит в том, что источником наибольшей неопределенности для мира выступает сейчас его наиболее продвинутая и привилегированная часть – Запад.

В Соединенных Штатах у власти администрация, которая рассматривает международные отношения и внешнюю политику как сферу, подчиненную внутренним задачам. Во время избирательной кампании Дональд Трамп выступал с позиций неоизоляционизма, а это заставляло предположить, что активность Вашингтона на международной арене снизится. На деле реализация лозунга «Америка прежде всего» оказалась иной.

С одной стороны, внешняя политика стала утилитарно использоваться для создания нужной президенту и его команде внутренней атмосферы, то есть в целом носить инструментальный характер. Иными словами, ареной внутривнутриполитической борьбы в США стал весь мир. С другой – американское руководство уверено в праве своей страны быть не мировым лидером (державой, которая возлагает на себя миссию решения каких-то проблем), а мировым боссом (самой сильной страной, способной принудить кого угодно к следованию ее линии). Ради этого может применяться сила, меняются установленные правила, игнорируются институты.

Политика Трампа по существу является продолжением подхода предыдущей республиканской администрации Джорджа Буша, но за вычетом идеологической мессианской составляющей («продвижение демократии»). Готовность действовать на грани фола, поднимать ставки присуща самому Трампу и его соратникам, однако непонятно, точно они чувствуют эту грань и оценивают связанные с ней риски. Острейшая борьба за власть, развернувшаяся в Вашингтоне весной 2017 г., риски только усугубляет. Оппоненты Трампа сейчас тоже считают, что достичь внутривнутриполитических целей (в идеале – импичмент) настолько важно, что внешнеполитическими издержками этой схватки можно пренебречь.

Европа погружена в свой многосоставный внутренний кризис, и его разрешение останется безоговорочным приоритетом на предстоящие годы. Трансформация Европейского союза, его расслоение на «центр» и «периферию» грозят подорвать способность интеграционного объединения служить механизмом обеспечения стабильности Старого Света. Как не раз бывало в истории, основные угрозы (причины которых кроются в нестабильности «ядра») связаны с будущим европейских окраин. Неуклонное расширение Евросоюза предполагалось в качестве средства преобразования некогда проблемных стран на Балканах и в Восточной Европе, преодоления порочного круга конфликтов и противостояний, в которые они были вовлечены веками. «Плана Б» не предусматривалось. Теперь дальнейшее расширение ЕС – крайне маловероятный сценарий, а патронат без членства чреват противоположным эффектом – несбывшиеся ожидания стимулируют подъем националистических сил, это, в свою очередь, с новой силой воспламенит все исторические конфликты. Назревание новой серии конфликтов на Балканах вместе с событиями на Ближнем Востоке способны создать обширную зону нестабильности. Взрывоопасный потенциал таких стран, как Македония или Босния, трудно переоценить. Как и соблазн для внешних сил, исторически присутствовавших в этом регионе (Россия, Турция, Германия) или недавно вышедших на политическую арену (исламизм), принять участие в кризисе.

Другой опасностью чревато развитие в ведущих европейских странах процессов, вызванных притоком беженцев. Феномен «обратной колонизации», который раньше служил не вполне политкорректной метафорой, превращается в описание существующего положения вещей. Эффективной модели интеграции приезжих нигде пока предложить не удалось. Беженцев будет все больше, и они продолжают существенно менять общества тех стран, куда они неудержимо стремятся.

С одной стороны, это рост напряженности внутри обществ, столкновение культур с деструктивными политическими последствиями, радикализацией партийно-политического ландшафта. С другой – «израилизация Европы», превращение терроризма в каждодневную реальность Старого Света, что тоже провоцирует политическую поляризацию. Примечательно, что среди российских мусульман обсуждаются риски того, что из Европы в Россию может распространиться формирующаяся там в определенных социально-политических кругах исламофобия. Понятно, что России привнесение подобного фермента обещает катастрофическое развитие событий.

Беженцы уже оказывают возрастающее давление на границы ЕС, и этот фактор сохранится на годы вперед. Конечно, стабилизация Ближнего Востока, если она вообще возможна в исторически обозримый период, позволила бы сократить приток в краткосрочном плане. Но в целом люди бегут не столько от войны, сколько от общего неверия в будущее стран своего проживания, от кризиса, проявляющегося в политической нестабильности, отсутствии экономических перспектив и все возрастающем влиянии негативных экологических последствий глобализации.

Запад вступил в сложный и, судя по первым проявлениям, мучительный период трансформации, поиска других форм самоорганизации и новой роли на международной арене. Приходит осознание того, что эпоха всевластия западных подходов, наступившая после краха СССР и коммунистической идеологии, подошла к концу, затянувшаяся эйфория уступает место рефлексии.

Некоторые комментаторы склонны описывать кризис как краткосрочный политический – от Брекзита и Трампа до череды выборов в ведущих странах ЕС. И если, мол, системные политики в Голландии, Франции и Германии одерживают верх, то это якобы свидетельствует о преодолении смутного периода. В действительности политические метания электората отражают глубинные и нарастающие социально-экономические проблемы. «Мы не знаем, что с нами происходит» – это утверждение, которое всё чаще встречается у рефлексирующих западных политиков, отражает ряд очевидных социально-экономических проблем. В их числе крайне высокая степень задолженности и неясность в вопросе о том, как она отразится на перспективах финансового кризиса, роботизация и «работа как привилегия», ревизионизм в отношении глобализации с того момента, когда стало ясно, что Запад перестал быть ее главным бенефициаром. Целый комплекс проблем связан с биотехнологиями, постепенным стиранием грани между человеческим организмом и машиной и связанными с этими новыми этическими и юридическими проблемами. В развитых обществах это проблемы уже не завтрашнего, но сегодняшнего дня. Четких моральных норм для регулирования этих процессов нет, как нет и понимания всех социальных последствий.

Даже благополучные западные экономики не в состоянии поддерживать ту систему социального государства, что была создана в эпоху холодной войны для противодействия коммунистической угрозе. Переустройство системы в условиях демократического политического порядка пока не выглядит возможным, потому что никто из западных политиков не обладает доверием избирателей в той степени, чтобы они позволили поднять руку на базовые социальные гарантии. В результате пересмотр происходит в скрытых формах, без социального контракта и легитимности. Впервые за долгие годы представление о будущем лишено оптимизма, оно размыто и порождает тревогу.

Идеологическое ужесточение на Западе

Утверждение о конце либерального миропорядка, ставшее общим местом в западных дебатах, нуждается, как минимум, в двух оговорках. Во-первых, сам

либеральный порядок существовал не столько в реальности, сколько в восприятии тех, кто считал победу в холодной войне триумфом Запада. Запад попробовал трактовать свои институты, прежде всего НАТО, прежде служившие одним из полюсов системы, как ее единственный стержень. Поэтому, справедливо говорить не о конце либерального миропорядка, но о конце периода, когда иллюзия существования консенсуса по поводу такого порядка не подвергалась открытому вызову.

С другой стороны, на Западе оказалось достаточно людей, которые восприняли нарастающие вызовы недолговременной безраздельной гегемонии Запада как покушение на должный порядок вещей и как идеологическую диверсию против единственно правильной либеральной системы ценностей. Отсутствие внятной идеологической альтернативы либеральному мейнстриму в начале XXI века (а сейчас на эту роль претендуют в основном протестные движения и партии, которые не воспринимаются в качестве ответственных и дееспособных политических сил) подкрепляет у сторонников либерального порядка представление о том, что происходящее есть аберрация, временное отклонение от нормы. Соответственно, возвращение к либеральной норме необходимо и неизбежно.

Либерализм стал идеологией, агрессивной в своих охранительных усилиях. Он настроен не на диалог с оппонентами, но на их дискредитацию и вытеснение из политического поля. Тот факт, что именно Россия – отчасти по собственной воле, отчасти по стечению обстоятельств – превратилась в олицетворение антилиберального тренда, создает поле повышенной конфликтности, неожиданно острого противостояния.

Вероятность того, что выход из своего кризиса Запад будет искать на путях взаимодействия с Россией, стараясь сформулировать совместные решения накопившихся и вновь обозначившихся проблем, весьма мала. Возникавшие время от времени в России ожидания, что, например, кризис европейского интеграционного проекта подтолкнет Старый Свет к практической реализации идеи Европы «от Лиссабона до Владивостока», не осуществились. Даже наоборот. Явная неудача попыток встроить Россию в ЕС/НАТО-центричный проект (о чем мы подробно писали в прошлом докладе) ведет не к стремлению переосмыслить модель в пользу большего учета российской специфики и отказа от аксиоматичности брюссельских норм и правил, а к антагонизации России, немедленному зачислению в традиционную ипостась «враг у ворот». Надежды на расширение «дискурсивного репертуара» Европы в отношении Москвы, которые мы высказывали год назад, пока вовсе не оправдываются. Попытки некоторых политиков на Западе поставить под вопрос продуктивность такого подхода караются жестко, как покушение на базовые политические ценности и угрозу собственной устойчивости.

Не реализуются и ожидания того, что рост влияния сил, противостоящих правящему истеблишменту в Европе, будет способствовать сближению России со Старым Светом. Да, евроскептические и традиционалистские движения влия-

ют на общую атмосферу в ЕС. Но они не обладают потенциалом, прежде всего интеллектуальным, для формулирования стратегии, которая активировала бы не только чисто протестный электорат, но и тех, кто ищет альтернативную политико-экономическую модель.

Европейский истеблишмент, скорее всего, извлечет уроки из потрясений 2016 г., постарается «абсорбировать» часть протестных сил и взять на вооружение их лозунги, дабы «растворить» бунт по тому же сценарию что и после волнений конца 1960-х годов. Внутренней консолидации на скорректированных основах полезно наличие внешнего врага, и пока эта роль однозначно делегирована России.

Ожидания того, что по мере внутренних сдвигов в США и ослабления традиционных трансатлантических отношений Европа начнет обретать собственную внешнеполитическую идентичность, до сих пор опровергаются ходом событий. Изменение риторики Вашингтона на первом этапе президентства Трампа повергло Европу в шок и растерянность. А первое же проявление воли и готовности применить силу, что было продемонстрировано ударом по Сирии, встречено едва ли не ликованием среди союзников Соединенных Штатов. В Европе наблюдается острое желание американского лидерства, которое позволило бы не заботиться о собственной военно-политической идентичности. Старый Свет, не демонстрируя воли и способности к «стратегической автономии», готов принять практически любое лидерство со стороны США, лишь бы только там не отказывались от приоритетности атлантического партнерства. Опять-таки этап внутренней трансформации только усиливает желание восстановить внешний контур в привычном виде.

Самостоятельная позиция Европы подразумевала бы неизбежное упрочение положения Германии, а это не только беспокоит ряд ее европейских партнеров, но и, главное, пугает сам Берлин. Поэтому на период внутренней перестройки, который может продолжаться неопределенное время, Европа продолжит добиваться сохранения и укрепления американского патроната. Не вполне очевидно, насколько Старому Свету удастся этого добиться, поскольку изменения в направлении «Америка прежде всего» – объективная тенденция развития США, и Дональд Трамп – лишь ее выразитель. Американский президент постоянно призывает европейцев «оплачивать счета», а Германию видит в первую очередь сквозь призму того, как ее экспортная индустрия отбирает рынки у американцев. Подчеркнуто меркантилистская риторика Европу смущает, но не ослабляет ее попытки найти почву для согласия.

В любом случае, рассчитывать на готовность Европы к стратегически мотивированным проектам с Москвой нет оснований, России назначена роль источника проблем, а не партнера по их решению. Русская угроза стала и инструментом «возвращения» США в Европу (о снижении интереса Нового света к делам Старого заговорили с начала XXI века, еще с приходом администрации Джорджа Буша-младшего).

Россия – снова «враг у ворот»

В прошлогоднем докладе мы подробно анализировали причины упадка проекта, согласно которому Россия должна была стать частью «Большой Европы», фактическим центром которой являлся бы Брюссель. Сейчас эта неудача уже признана всеми, но оказалось, что другой модели выстраивания отношений с Россией у Европы и Запада нет. Россия не согласилась быть частью не ею спланированного дизайна и потребовала его ревизии. Однако пересматривать «чертеж» с учетом мнения Москвы никто не готов, поскольку считается, что у России нет прав этого требовать, ведь в долгосрочном плане она видится как несостоятельный и угасающий политико-экономический субъект. Всплески же восстановленных военно-политических возможностей — не более чем временное явление.

Прошедший год подтвердил обоснованность наших оценок роли России в дискурсах идентичности Запада. В условиях внутреннего политического разбоя российская тема была использована и по-прежнему вовсю используется в качестве конституирующего Иного в США, и, пусть с чуть меньшей интенсивностью, в ЕС в целом и в отдельных европейских странах.

Во всех кризисных ситуациях в Европе участники пытались более или менее интенсивно «раскрутить» «русский фактор». Россию обвиняли в том, что она подталкивает волны беженцев, повлияла на голосование по Брекситу, взломала почту Макрона за день до выборов, пытается подорвать позиции канцлера Германии Меркель в преддверии парламентских выборов. В Венгрии демонстрации против давления премьер-министра Виктора Орбана на Центрально-Европейский Университет начались под лозунгом защиты академических свобод, но с какого-то момента стали проходить под лозунгом «Русские, отправляйтесь домой». Он намекал на симпатии Орбана к Путину и якобы имеющие место возможности Кремля манипулировать Орбаном. Хештег «Это сделали русские» отражает универсальную объясняющую функцию «русской угрозы». Но, пожалуй, кульминацией стал скандал с увольнением Дональдом Трампом директора ФБР Джеймса Коми, когда в американском публичном пространстве на полном серьезе обсуждался вопрос о том, является ли данное кадровое решение президента США следствием его договоренностей с президентом России. С весны 2017 г. российский сюжет практически официально превратился в политический таран, при помощи которого многочисленные оппоненты Трампа рассчитывают добиться его отрешения от должности.

Интенсивность использования «русской угрозы» как инструмента идентификации и средства борьбы с диссентом сравнима разве что со временами холодной войны. Причем с ее наиболее нервными периодами, наподобие эпохи маккартизма, когда международные отношения напрямую задействовались во внутривнутриполитической борьбе. Причина накала – общая неуверенность западных политических элит в их способности управлять общественно-политическими процессами. А успехи сил, которые принято причислять к «анти-истеблишменту», способны скорректировать контекст, но не сказываются на отношениях с Росси-

ей. Пример Соединенных Штатов показывает, что политико-дипломатический фон может даже ухудшаться.

Современная демонизация Путина и России в целом уже в сравнительно небольшой степени зависит от конкретных разногласий в сфере международных отношений. Они превратились в идеологический фактор внутривнутриполитической борьбы в политиях Запада. Путин в этой картине мира выполняет роль идейного, координирующего и финансирующего центра для тех сил в США и странах ЕС, которые определяются как «нелиберальные» или анти-либеральные. Такая коллизия представлена не в качестве рутинной партийной борьбы за власть или конфликт интересов внутри западных обществ, но как бескомпромиссный бой за единственно правильную идеологию и систему ценностей.

События последних месяцев показали эффективность этой тактики (консолидация против России в целом поддерживается), поэтому нет оснований ожидать, что от нее скоро откажутся. Несогласные с этой линией, столкнувшись с единым афронтом своих попыток по-другому выстроить дискурс в отношении России, легко отказываются от своих намерений. А подчас даже не прочь «продать» своим оппонентам показную жесткость к Москве, чтобы заручиться их благосклонностью по более важным вопросам. Тем самым еще раз подтверждается, что российское направление не относится к числу реальных приоритетов ни для антироссийски, ни для пророссийски настроенных политиков, а в ряде случаев оно становится сугубо инструментальным. В Европейском союзе, например, все «пророссийские» правительства, допускающие публично фрондерские высказывания о пагубности санкций, исправно голосуют каждые полгода за их продление.

Для России это означает серьезное ухудшение общего климата международных отношений. Прагматика в ее отношении решительно принесена в жертву идеологическим соображениям. В этом плане ситуация хуже, чем в период холодной войны, когда на Западе присутствовал довольно влиятельный и обширный контингент «сторонников разрядки», призывавших к конструктивному сотрудничеству с СССР поверх линии идеологического фронта. Тогдашнее чередование обострений и смягчений опиралось на вполне рациональное сочетание методов «кнута и пряника» с обеих сторон, на понимание того, что системное противостояние нужно структурировать и им управлять. Сейчас этого нет, элемент иррациональности и непредсказуемости усугубляется, поскольку определяющими для всех становятся внутренние обстоятельства.

Беспрецедентная инструментализация России

Хотя мотивы и образы восприятия России остались теми же, что и на протяжении истории, **следует осознать качественно иной, куда более высокий уровень инструментализации российского вопроса.** Это свидетельствует, что Россия значит для Запада меньше, чем когда-либо за последние, как минимум, два века. Достаточно сравнить дискурс о России с дискурсом о Китае, который намного

более последовательно отвергает либеральные ценности, и, наверняка, не менее активен на кибер-фронтах.

Случай с Трампом особенно показателен. Он начинал с позитивных высказываний в отношении России, прежде всего они были связаны с его желанием максимально противопоставить себя Обаме. Но по существу Россия малоинтересна Трампу и его единомышленникам. Их приоритет – переустройство глобальных торгово-финансовых отношений так, чтобы они соответствовали меркантилистски понятым американским интересам. В этом контексте Россия с ее весьма малой долей в мировой экономике – игрок второго, а то и третьего ряда, большого внимания уделять ей необязательно. И тем более идти на риски ради выстраивания отношений с ней.

Жесткость «отсечения» России отчасти объясняется задиристостью российской внешней политики в последние годы. Москва сознательно бросала вызов Западу не только в конкретных конфликтах, но и в ценностной сфере. Причем не тем, что предлагала иной набор ценностей, а тем, что обнажала и высмеивала непоследовательность и лицемерие Запада. Свое поведение Россия очень часто легитимировала ссылкой на то, что нарушения формальных или неформальных конвенций она совершает не первой, но в качестве реакции на подобные действия Запада. Этот «зеркальный» подход имел меньшее воздействие, чем казалось, во всяком случае, многие действия России «повисали в воздухе» с точки зрения их признания внешним миром, но определенный пропагандистский эффект и уважение к «лихости» поведения создавался. Теперь же – с приходом в Соединенных Штатах администрации Дональда Трампа, «зеркалка» перестает работать, поскольку Вашингтон совершенно невосприимчив к упрекам и обличениям, руководствуется сугубо эгоистичным подходом.

Администрация Трампа настроена на применение силы, но не для достижения каких-то конкретных результатов, а с целью ее демонстрации. Как показал ракетный удар США по военной базе сирийской армии в апреле, такой подход вполне может оказаться эффективным. Во всяком случае, реакция Европы, Турции и монархий Персидского залива продемонстрировала, что они готовы принять и поддержать любую линию Соединенных Штатов, если это возвращает их к комфортной ситуации американского лидерства и возможности следовать за Вашингтоном. Даже если у Вашингтона нет линии, которой можно было бы следовать.

Политический кризис американской верхушки чреват почти любыми внешнеполитическими последствиями. Минимизация международных рисков, возникающих из-за борьбы за власть в США, становится насущной задачей.

Отчуждение как императив

В этих условиях линия на **отчуждение без конфронтации**, предложенная нами в прошлогоднем докладе, остается единственно разумной. Россия не в состоянии повлиять на дискурс, который превратил ее в едва ли не главную угрозу западным

либеральным ценностям, однако легитимным оппонентом, с которым нужно договариваться о правилах игры (как это было с Советским Союзом), не сделал.

Добиться хоть какого-то прогресса в отношениях с Соединенными Штатами в обозримом будущем не удастся. При любом сценарии политической борьбы в Вашингтоне Россия останется в центре деструктивного процесса. России ни в коем случае нельзя втягиваться во внутриамериканскую борьбу, это заведомо проигранная партия – всякое участие будет немедленно использовано против нее обеими сторонами.

Расчеты на «большую сделку» или даже соглашение по Украине или Сирии следует признать крайне маловероятными. Русская угроза стала более важным инструментом решения проблем внутри США и проблемы единства ЕС, чем сотрудничество с реальной Россией.

Это означает, что российские усилия, направленные на то, чтобы повлиять на стратегическую ориентацию Европейского союза, не принесут желаемых результатов. Максимум, чего можно добиться, это дать Европе дополнительный инструмент в борьбе за внимание Соединенных Штатов. Что, естественно, произведет эффект, обратный тому, на который рассчитывают в Москве. В Кремле должны понимать, что России не удастся обыграть Америку на европейском поле. У США остается большой кредит, унаследованный ими со времен плана Маршалла и холодной войны, подкрепленный многими десятилетиями кропотливой работы по воспитанию атлантически настроенных элит в Старом Свете. А у России нет сколько-нибудь сопоставимых ресурсов, притягательной и убедительной модели развития. Что же касается тех частей Европы, где у России имеется значительный символический капитал (прежде всего Балканы), то исторический опыт попыток его использовать демонстрирует исключительно негативные результаты.

Список претензий к России не исчерпывается Крымом и ролью на востоке Украины. Он включает неприемлемость российского руководства как неизлечимо враждебного либеральным ценностям, неприятие курса России на реанимацию военного потенциала, и непризнание претензий России на равноправную договорную позицию в отношениях с Западом. В обозримой перспективе можно представить российское общество готовым принять эти условия только в случае экономического коллапса страны и/или ее крупномасштабного военного поражения.

Вышесказанное не означает, что от Европы нужно целенаправленно отгораживаться. Как мы и отмечали в прошлогоднем докладе, исходить следует из того, что между Россией и Европейским союзом, что бы он собой ни представлял в ближайшие годы, не возникнет совместного политического проекта, и к нему не нужно стремиться. Трансформация ЕС продолжится в рамках той же атлантической парадигмы, которая составляла его основу с самого начала европейской интеграции. Россия в эту рамку не укладывается. Но совершенно неочевидно, что гипотетический крах Европейского союза и атлантического проекта был бы выгоден Москве.

Все-таки главным успехом европейской интеграции стало прекращение смертоносного соперничества на континенте, которое не только несло беды самим европейским державам, но и посылало во все стороны разрушительные импульсы. История свидетельствует, что России никогда не удавалось остаться в стороне от потрясений, причиной которых была политика великодержавного соперничества в Европе и всплески националистических помрачений в разных ее частях. (Даже в тех нечастых случаях, когда в России амбиции и престиж уступали осторожности, в Европе, как правило, находились силы, которым удавалось втянуть Россию в европейские конфликты в своих интересах.) И если ЕС и НАТО служат способами удержания европейских стран от возвращения к прежним нравам, не стоит желать их провала. Особенно с учетом того, что, по всей вероятности, экспансионистский задор в обеих организациях явно поубавился.

Европа как важнейший экономический партнер и один из источников культурно-исторической самоидентификации России никуда не денется. В частности, она необходима как элемент баланса в формирующейся новой конфигурации Евразии, что является объективным процессом. В условиях отсутствия единой политической рамки особенно важным становится укрепление и развитие связей с теми группами интересов, кругами и политическими силами Европы, которые настроены на конструктивное взаимодействие с Москвой. В краткосрочной перспективе они, как сказано выше, не имеют шансов изменить европейское восприятие России. Однако далее, через шаг, когда Европа обретет какой-то новый внутренний баланс, наличие позитивно относящегося к России «фермента» в Евросоюзе, пусть и остающимся стопроцентно атлантическим, создаст опору для формулирования новой повестки дня. Сроки этого определить пока невозможно по причине неопределенности развития самого ЕС, однако такая фаза, несомненно, наступит. Поэтому российская работа должна носить системный и долговременный характер, быть нацелена не на достижение немедленного результата, а на создание опорных точек на будущее.

Китай и США – попытка избежать конфронтации

При всей важности Европы для России, основные мировые события происходят не там, европейский кризис имеет не глобальное, а региональное воздействие. Наиболее трудные и драматические решения предстоит принять китайскому руководству.

КНР оказалась в ситуации, которой всегда пыталась избежать. Стратегической линией Пекина с конца XX века было наращивание (по возможности незаметное) сил и влияния, дабы «врастать» в западо-центричный международный порядок и постепенно менять его изнутри в собственных интересах. Делал это Китай довольно успешно, хотя неизменно и высказывал недовольство нежеланием Запада делиться контролем в глобальных институтах. Тем не менее, КНР твердо придерживалась курса на эволюционные и ни в коем случае не революционные перемены в мировой архитектуре.

Вызов брошен с двух направлений. С одной стороны, Китай достиг такого экономического и политического масштаба, что держаться в тени органически невозможно. Во-вторых, эрозия порядка, в который аккуратно и расчетливо вливался Пекин, началась изнутри, импульс к отказу от открытой глобальной системы возник в ведущих странах Запада, прежде всего в Соединенных Штатах. В результате Китай оказался перед необходимостью брать на себя флагманскую роль – либо по ускоренному демонтажу прежней модели, либо, напротив, по ее сохранению. Речь Си Цзиньпина в Давосе в январе 2017 г. часто интерпретируют как выбор Пекином второго варианта, то есть стать новым лидером глобализации. Однако ее более вдумчивое прочтение доказывает, что никакого выбора председатель КНР не делает, а продолжает попытки маневрирования. К тому же, если отвлечься от лозунгов, оглашаемых на мировой арене, китайская экономика является в высшей степени протекционистской и позиция главного радетеля открытости Пекину совсем неорганична. Как бы то ни было, Китаю предстоит приспособиться к новой ситуации в мире в условиях, далеких от благоприятных.

Изменение характера торгово-экономических отношений с Китаем является приоритетом Дональда Трампа. И хотя первоначальный «наезд» (намек на признание Тайваня, угрозы провозгласить Пекин валютным манипулятором и обложить его продукцию гигантскими пошлинами) сменился гораздо более умеренным подходом, установка остается прежней. Как далеко готов пойти Китай в уступках Соединенным Штатам ради того, чтобы избежать торговой войны и конфронтации с США? Выбор решения в этом вопросе связан не только с традиционной линией Пекина на то, чтобы избегать острой и открытой конфронтации, но и с опасением сдувания пузырей в китайской экономике и ее возможного резкого торможения. Может оказаться, что карты Трампа в торге с Китаем намного сильнее, чем казалось на первый взгляд.

Не стоит сбрасывать со счета и внутреннюю ситуацию в КНР. Легитимность власти КПК зависит от неуклонного экономического роста и повышения благосостояния, но меняющиеся внешние условия осложняют обстановку. Одновременно постепенно растут националистические настроения как в обществе, так и в части политической элиты, считающих, что Китаю настала пора всерьез выступить на мировой арене и потребовать качественно иного статуса. И то, и другое подтачивает баланс внешних и внутренних факторов, существовавший в КНР со времен Дэн Сяопина.

Напряженность в Восточной Азии нарастает в связи с Северной Кореей. Непосредственной причиной служит провокационное поведение Пхеньяна, которое становится поводом для наращивания военно-политической активности и давления со стороны Вашингтона. Обе стороны рискованно блефуют, и если для КНДР опасный блеф является привычной формой поведения, что для Соединенных Штатов это новый стиль. В сочетании это создает атмосферу повышенной непредсказуемости. Американская администрация использует корейский ядерный вопрос для укрепления позиций на Тихом океане, и здесь Трамп следует в русле своего предшественника Барака Обамы. Отличие Трампа заключается в

том, что он легко готов увязывать совершенно разные вопросы друг с другом – например, региональную стратегическую стабильность и безопасность с торговыми темами. И давление на Китай с целью принудить его занять более жесткую позицию в отношении КНДР связано и с основной задачей переформатирования торгово-экономических отношений.

Как бы то ни было, американо-китайские связи развиваются по своей логике, повлиять на которую Россия не может. И, напротив, любые изменения в отношениях между Пекином и Вашингтоном значительно воздействуют на контекст, в котором придется действовать Москве. Та же самая северокорейская проблема для Москвы весьма важна. Во-первых, она не может не беспокоить Россию как таковая, как угроза стабильности Дальнего Востока. Во-вторых, является поводом для размещения американской ПРО и активности ВМФ США. В-третьих, создает дискомфорт в отношениях с Пекином, который ждет от России поддержки своей еще не сформулированной позиции.

Зависимость России от решений двух намного более мощных держав становится наглядной. Как мы и писали в прошлогоднем докладе, можно полагаться на то, что Китай не будет поддерживать никаких антироссийских инициатив и акций, а также «подставит плечо» в критической ситуации. Но явственно подтвердилось и другое – КНР не пойдет ни на какие риски в отношениях с США, связанные с российско-американскими трениями, и не будет поддерживать действия России по оказанию давления на Америку. Более того, появление в Соединенных Штатах президента, который ведет себя импульсивно и напористо, демонстрирует готовность не уважать устоявшиеся правила поведения, только подчеркнуло крайнюю важность Америки для Китая. Пекин хочет всеми силами найти новый модус вивенди с США, будучи готов смириться (по крайней мере сейчас) с издержками и даже некоторыми имиджевыми потерями.

Россия перед лицом новых трансформаций

При всем различии проблем, с которыми имеют дело западные страны и Россия, есть парадоксальные сближения и сходства. В 2012-2013 гг. Россия столкнулась с кризисом легитимности власти, и с неизбежностью наступления в скором времени экономической стагнации и даже рецессии. В 2013-2015 гг. Владимиру Путину во многом пришлось решать задачи своей легитимации через внешнюю политику. В 2011-2013 гг. наиболее острая критика правящей группы исходила от русских националистов разного толка, которые обвиняли власть в сдаче национальных интересов. Согласно этой критике, люди во власти держали за границей свои капиталы, семьи, недвижимость, и потому на конфликт с Западом не были способны ни при каких обстоятельствах. Безропотная «потеря» Украины была бы наиболее ярким и убедительным доказательством справедливости этого тезиса.

Эскалация ставок в конфликте вокруг Украины и присоединение Крыма стали во многом вынужденной мерой, дабы избежать углубления кризиса легитимности. Попутно была решена и задача определить ответственных за экономи-

ческую стагнацию, фундаментальные причины которой кроются в структурных ограничениях сложившейся системы. В условиях конфронтации с Западом кризис официально связали с санкциями и падением цен на нефть, и население в основном отреагировало сплочением вокруг флага и готовностью затянуть пояса. Легитимность Путина как национального *лидера*, готового многим рискнуть ради *достоинства* страны, была утверждена. Знаменитые 86% поддержки были аутентичными.

Однако уже к 2016 г. эффект Крыма, даже получивший подпитку в рамках операций России в Сирии, истощился. Ожидания россиян сегодня направлены, прежде всего, на внутренние проблемы. Запрос на проект развития становится все более артикулированным и широким. Внешняя политика перестала быть главным театром, сколько бы телевидение ни старалось сохранить этот фокус. Чтобы избирательный марафон в 2018 г. был успешным, это должна быть кампания, основанная на внутриполитической повестке дня, на представлении стратегического проекта будущего развития.

Во внутренней политике за прошедший год российские власти не дали ответов на ключевые вопросы. Сколько-нибудь отчетливого проекта будущего не предъявлено ни в сфере экономического развития, ни в плане политической эволюции. Скорее, в политической и идеологической сфере возросли тенденции к «монологу» власти. Проблема международного имиджа, которая играла довольно заметную роль в 2000-е и в начале 2010-х гг., власти больше не беспокоит, нарастают тенденции ограничения свободы граждан, профанации идеи диалога с обществом, принятия волюнтаристских решений в сфере социально-политического администрирования. Символом такого подхода может служить масштабный проект по «реновации» в Москве, принятый исключительно решением сверху, малообъяснимый с точки зрения практической целесообразности, подрывающий ощущение защищенности главной, часто единственной частной собственности людей, но при этом имитирующий заботу властей о населении и об обновлении.

Наметившееся оживление российской экономики останется ограниченным, если не будет поддержано существенными институциональными изменениями. Проблемы избыточного регулирования, налогового бремени, отсутствие доступного кредита и недостаточная защищенность собственности – ключевые факторы, сдерживающие развитие среднего и малого бизнеса. А проблема легитимности крупной частной собственности, возникшей в результате залоговых аукционов и прочих особенностей приватизации 1990-х гг., останется с нами еще надолго. Ни одна из этих проблем не может быть решена сугубо технократическими методами. Изменения должны затронуть и социально-политическую сферу. В этом смысле избирательная кампания 2017-2018 гг., результат которой, если называть вещи своими именами, очевиден и предрешен, будет иметь реальное значение. Она должна продемонстрировать наличие живого политического «драйва», способность системы реагировать на динамику общественных изменений, меняющиеся запросы населения.

Между российской и западной повесткой есть еще одна параллель. Во всех ведущих странах наиболее острой проблемой считается подъем так называемого «популизма» – протестных сил, растущих на отторжении гражданами непопулярного истеблишмента. Россия находится в особенном положении в силу специфики своей политической системы, однако она не изолирована от глобальных тенденций. Доверие россиян к политическим институтам и большинству представителей правящего класса весьма невысоко, так же, как доверие европейцев к Брюсселю или американцев к Капитолийскому холму. Однако фактор Путина компенсирует этот отрыв. В силу ряда обстоятельств президент не воспринимается как часть правящего класса.

Зимой 2011-2012 гг., когда российские столицы пережили всплеск протестной активности «продвинутой» части общества, Путин отошел от своей предшествующей позиции «президента всех россиян», выступив на стороне большинства против недовольного столичного меньшинства. Тем самым он заполнил нишу, которую в ином случае могли бы использовать те самые «популистские силы», стал своеобразным «Трампом по совместительству». Это консолидировало властные позиции, но имело серьезные последствия для российской политической системы, которые отчасти и привели к нынешнему положению. Однако способность одного-единственного лидера компенсировать недостаток легитимности большинства институтов заведомо ограничена – как минимум во времени. И диверсификация легитимности является острой задачей избирательной кампании и вероятного следующего срока Владимира Путина.

История как предостережение

С точки зрения прошлого опыта, сочетание необходимости политических и экономических преобразований никогда не давалось России легко. В XX веке это дважды привело к катастрофическим последствиям. В первом случае империя не выдержала испытаний мировой войны и рухнула в революцию, похоронив вполне реальные шансы на успешную модернизацию. Во втором случае СССР, истощив свои силы в холодной войне и гонке вооружений, развалился.

В дореволюционной истории России также было несколько периодов, когда внутреннее состояние страны требовало серьезных и комплексных преобразований. И мы можем найти примеры по почти всему набору вариантов внешнеполитического поведения империи в подобных обстоятельствах. Александр II стремился воздерживаться от участия в военных конфликтах для создания благоприятных условий для внутренних преобразований. Вынужденный отход от этой линии при подавлении польского восстания 1863-1864 гг. тяжело отразился на ходе реформ. (На нашей памяти ход политической трансформации пост-советской России также был существенно деформирован борьбой с региональным сепаратизмом на Кавказе.) В самом конце царствования Александра II Россия под давлением общественного мнения, настроенного в пользу балканских славян, вступила в войну с Османской империей в 1877-78 годах. Вступая

в войну, власть стремилась преодолеть ярко проявившееся к тому времени отчуждение образованной части общества, и продемонстрировала осторожность в развитии успеха на поле боя в надежде на быстрое международное урегулирование. Сдержанность и самоограничение российской внешней политики в тот период позволили избежать прямой конфронтации с западными странами, но преодолеть травму Крымской войны.

Наиболее последовательно избегал военных конфликтов Александр III, вошедший в историю как «миротворец». Отход от его политической линии обошелся России дорого. Русско-японская война 1904-1905 гг. стала классическим примером того, как примитивный расчет на небольшую успешную войну для расширения общественной поддержки может иметь катастрофические последствия.

Наконец, дискуссии в 1913-1914 гг. о том, нужно ли России вступать в большую войну, можно считать образцом того, как озабоченность власти и образованного общества статусом в сочетании с весьма расплывчатым, нечетким целеполаганием привели империю к краху. И это при том, что трезвые голоса, призывавшие к сдержанности и сосредоточенности на внутренней трансформации звучали накануне войны вполне отчетливо и аргументированно.

Таким образом, Россия испытывает те же проблемы «неясности и тревожности будущего», что и большинство стран мира. Страна довольно успешно справилась с шоками 2013-2016 гг., доказала наличие у нее запаса прочности. Но сейчас она вновь вступает в ситуацию уязвимости в связи с необходимостью проведения серьезных социально-экономических преобразований, причем таких, которые потребуют и корректировок политической системы. В этих условиях максимальная осторожность во внешней политике, отказ от резких движений, даже когда они провоцируются извне – становится императивом.

Сдержанность как императив

За год, прошедший после написания первого доклада, ситуация в мире стала опаснее, поворот Запада к более эгоистичной политике, которая идет на смену фазе глобальной экспансии, на практике означает не снижение внешнеполитической активности, а ее инструментализацию, использование для решения внутренних задач. Особенно ярко это проявляется в случае с администрацией Дональда Трампа, однако признаки можно обнаружить и в Европе. Задача урегулирования региональных конфликтов, которая хотя бы провозглашалась на предыдущем этапе, сейчас, по сути, вообще не стоит на повестке дня. Зато намного острее вопросы глобальной стратегической стабильности. Курс американской администрации на ремилитаризацию и перевооружение, в том числе в ядерной сфере, который воплощается в жизнь в условиях исчерпания прежних форматов контроля над вооружениями и скорого истечения срока действия основных договоров, повышает уровень неопределенности.

Год назад мы писали о том, что «фирменным знаком российской политики последнего времени стала ее способность заставить всех остальных врасплох, позволяющая компенсировать ограниченность ресурсов. Неожиданные ходы Путина не раз давали существенное тактическое преимущество. Однако репутация России как непредсказуемого игрока, которая в отдельных случаях полезна, приносит и заметные издержки не только в отношениях с Западом (прежде всего США), но и на других направлениях. Так, собеседники Москвы на востоке и юге привыкли считать ее чересчур импульсивным актором, склонным к резким зигзагам, импровизациям и не любящим системной работы».

Сегодня потенциал данного стиля действий практически исчерпан. В-первых, эстафетную палочку «лидера» по непредсказуемости перехватил президент Соединенных Штатов, его ответы на резкие шаги могут быть еще более резкими, что нельзя не учитывать во имя избегания рисков. Во-вторых, сворачивание прежнего типа глобализации, торгово-экономические приоритеты той же американской администрации переводят взаимоотношения великих держав в сферу еще более острой конкуренции экономических возможностей, а это никогда не было сильной стороной России. Наконец, в мире растет запрос на порядок, стабильность, условия для развития. Это касается как глобального уровня, так и отдельных регионов. В мировом масштабе очевидна необходимость формулирования новых правил взаимодействия государств.

Это связано и с политико-экономическими переменами, и с изменением расстановки сил, и с новой технологической реальностью, которая в значительной степени вообще не регулируется никакими нормами. Региональные конфликты имеют тенденцию к усугублению, желающих брать ответственность нет. Место экспортера стабильности вакантно, а спрос на его услуги возрастает. И, напротив, будет накапливаться раздражение действиями тех стран, которые дополнительно раскачивают ситуацию в собственных конъюнктурных интересах, особенно не заботясь об остальных. Понятие «общего блага», вероятнее всего, будет играть заметную роль в политическом и идеологическом переустройстве мира.

Эпоха деконструкции прежнего порядка, начавшаяся с крахом СССР, фактически завершилась, наступает следующий этап, главным содержанием которого станут попытки строительства чего-то нового и устойчивого. Успех их не гарантирован, и уж точно произойдет это не быстро и не без потрясений. Но логика этого этапа будет все больше направлена на поиск решений, минимизацию рисков, если, конечно, человечество не сорвется в безумие глобального конфликта.

России необходимо изменить свой сложившийся образ и сделать упор на то, что страна способна дать мировому сообществу, важным партнерам, соседям. Объективно Россия может выступать едва ли не единственным и практически незаменимым гарантом стабильности, в Евразии, особенно в Центральной Азии, где количество внутренних проблем неизбежно перейдет в качество. Россия является неотъемлемым звеном при реализации большинства значимых проектов в Евразии, обладает набором политико-дипломатических и военных

инструментов, необходимых для решения многих глобальных проблем. Именно этот потенциал должен быть фундаментом российского позиционирования на международной арене. Обращенность в будущее и необходимость ответов на новые вызовы должны составить основу нарратива, и чем меньше апеллирования к прошлому он будет содержать, тем лучше. Это, кстати, укрепит позиции России в отношениях с незападными странами – Китаем, Индией, Ираном и т.д., которым малоинтересна российская заикленность на собственной повестке, связанной с концом холодной войны.

Сдержанность и ее основания

Подчеркнем еще раз: мир входит в новую фазу развития, когда протекционистские настроения становятся нормой, а решение внутренних проблем государств и обществ превращается в абсолютный приоритет и залог стабильности. Внешняя активность ведущих стран будет направлена прежде всего на то, чтобы решать внутренние задачи. В этих условиях и России следует сократить такую активность во внешней политике, которая создает все более ощутимые проблемы для внутреннего развития, прежде всего из-за ограничения доступа к технологиям и капиталу, а также общего перекоса приоритетов в военно-стратегическом направлении.

Ограниченность экономического потенциала становится, в свою очередь, ограничением для развития внешних отношений, когда приходит время политическое сближение подкреплять углубление экономического сотрудничества. Именно недостаточный экономический потенциал России сдерживает развитие кооперации в рамках Евразийского экономического союза, в отношениях с Китаем и другими ведущими странами Азии. Россия может сегодня быть поставщиком энергоресурсов, вооружений, даже – защиты как таковой, но этого недостаточно, если она не в состоянии предложить достаточной емкости рынка, и диверсифицированной экономики.

Сдержанная внешняя политика должна опираться на ядерное сдерживание как ключевой элемент безопасности. Неуклонное сохранение за Россией способности нанесения потенциальному агрессору неприемлемого ущерба останется ключевым элементом оборонной стратегии. Вместе с тем, следует приложить все возможные усилия, чтобы сохранить еще действующие договоры об ограничении в ядерной сфере. То, что осталось в современных США от тех сил и структур, которые были вовлечены в работу по нераспространению ядерного оружия и в переговоры по ограничению и сокращению ядерных вооружений, представляет собой один из немногих островков, на которых сотрудничество с Россией воспринимается как норма и необходимость. Эта работа всегда велась в диалоге с Россией, и Москва должна сделать все от нее зависящее для возобновления диалога в будущем.

Вообще, стратегическая стабильность, обеспечение предсказуемого управления отношениями в ядерной сфере – пожалуй, одна тема, по которой необходи-

мо проявлять инициативу. Это единственная сфера, которая при безответственном отношении гипотетически обещает уничтожение человечества. И ее нужно как можно надежнее вынести за скобки любых сиюминутных разбирательств – внутренних или внешних. В остальном же уникальная ситуация, сложившаяся в США и российско-американских отношениях, может иметь для России одну положительную сторону – помочь избавиться от болезненного Америко-центризма мышления. Москва не повлияет на то, что происходит в Соединенных Штатах, не может извлечь из этого дивиденды, едва ли в состоянии кого-то сплотить вокруг себя на противостояние США. Самое время заняться тем, что нужно делать вне зависимости от позиции и роли Вашингтона.

Естественно, было бы странно делать вид, что Америки не существует, в любом своем состоянии Соединенные Штаты остаются самым сильным государством планеты, способным вмешаться во что угодно. Но период вероятного внутреннего паралича, связанного с политической борьбой, России надо использовать для продвижения собственных приоритетов – в Евразии, в отношениях с Ираном, Японией, Южной Кореей, странами-соседами.

Конечно, особое внимание и повышенные усилия надо приложить к созданию модели сбалансированных и долгосрочных отношений с Китаем. Изложенные выше сложные обстоятельства, в которые попал Пекин, открывают возможности для России, однако это требует очень продуманных и самостоятельных российских действий в сфере безопасности (Центральная Евразия, Восточная Азия, АТР), экономической активности, предложений совместных шагов по снижению рисков от перемен в политике западных держав. Никакие простые и линейные схемы в отношениях с Китаем не сработают, равно как пока бесполезно пытаться оперировать понятием треугольника Россия – Китай – США, о котором в последнее время много говорят. Никто из его потенциальных участников, и в наименьшей степени Соединенные Штаты, не готов к серьезному стратегическому разговору об общих усилиях по установлению мирового баланса. Возможно, к этому придут, но неизвестно когда.

Крайне актуальной задачей для России становится поиск выхода из двух самых острых конфликтов последних лет, которые играли определяющую роль для реализации задач предшествующего периода, но становятся факторами уязвимости в новых условиях. Это Украина и Сирия. В обоих случаях Россия может быть втянута в эскалацию без перспектив набрать какие-либо стратегические очки, зато с риском подорвать многое из того, что было достигнуто раньше во внутренней и внешней сфере.

Украина продолжает деградировать, рискует превратиться в недееспособное государство и даже распасться, если Запад и Россия по-прежнему будут ждать, кто «моргнет первый». Вероятен вариант длительного сохранения в нынешнем межеумочном состоянии, когда украинский вопрос превращается в безысходный кризис на периферии Европы, в котором основной движущей силой служит не желание внешних участников чего-то добиться, а стремление «не потерять лицо» и не позволить набрать очки оппоненту. Россия в силу понятной истори-

ческой и геостратегической вовлеченности несет большие риски любого рода, а способность Украины превратиться в серьезную помеху для России на самых разных направлениях крайне высока. Предложить какой-то план действий, учитывая реальные, в том числе внутриукраинские обстоятельства, сегодня не представляется возможным. Однако целью должно быть нахождение устойчивого баланса интересов вокруг Украины с минимизацией рисков.

То же относится и к Сирии. Россия извлекла максимум международно-политических дивидендов из своего участия в сирийской кампании, сохранения нынешнего режима и предотвращения окончательного обрушения прежней государственности. Однако дальнейшая способность Москвы решать сирийские проблемы с опорой на военную силу и политико-дипломатическое взаимодействие с неарабскими державами (Иран, Турция) ограничена. Увязание в Сирии и превращение Москвы в гаранта выживания клана Асада не даст ничего, кроме отвлечения ресурсов от потенциально более важных тем. Дипломатические усилия по нормализации крайне важны, и их необходимо продолжать, понимая, что они нужны для постепенного сокращения присутствия и роли, а не для экспансии. Долгосрочное пребывание в Сирии, если там не начнется реальная стабилизация, сделает этой страну для России не активом, а пассивом.

Внешнеполитическая сдержанность ради внутреннего раскрепощения?

Ряд крупных стран испытывает сегодня проблемы с определением своей роли и своего «масштаба», своей «меры». Англию эти проблемы подтолкнули к Брекзиту. (Именно Англию, потому что решение о Брекзите было принято голосами англичан, в то время как шотландцы и ирландцы голосовали против выхода из ЕС.) Германия пытается понять, как не превратиться из «локомотива» Европейского союза в его «босса». Трамп, кажется, решительно выбрал новую роль мирового «босса», а не лидера, для США, но никто не знает, как долго удержится его линия, и он сам. Индия по своему физическому масштабу могла бы и, кажется, хотела бы, претендовать на роль глобального игрока, но внутренние проблемы жестко ограничивают ее потенциал. И, конечно, Китай все время ищет баланс между осторожной внешней политикой «крадущегося экономического тигра» и глобальным лидерством «расправившего крылья дракона». Все это признаки переходного состояния мировой системы, о которой мы говорили выше.

Россия в этом ряду не исключение. Военный и внешнеполитический потенциал, унаследованный от СССР, неизбежно делает ее глобальным игроком. Но страна должна создать механизм экономического роста, который соответствовал бы ее внешнеполитическому потенциалу и требованиям крайне конкурентной экономической среды. В противном случае разрыв будет возрастать, провоцируя все больше опасных кризисов. России также предстоит укрепить функциональность и легитимность институтов, чтобы повысить устойчивость своей политической системы к кризисным ситуациям.

Правовое государство, политический плюрализм и права человека были частью российского движения в Европу. Это движение потерпело неудачу. Значит ли это, что мы готовы отказаться от таких целей, признав, что без европейской перспективы они не имеют для нас самостоятельной ценности? Способны ли мы работать для решения этих задач как самодостаточная социально-политическая общность, а не следовать в чужом фарватере? Ответы на эти вопросы определят будущее страны, и искать их нам придется без надежды «прислониться к надежному плечу друга». Внешняя политика России в этих условиях должна быть основана на сдержанности и стремлении к созданию благоприятных условий для внутренней трансформации нашего общества.

Участники семинара в Центральноевропейском университете.

Авторы доклада благодарят всех за ценный вклад в работу и за возможность использовать высказанные мысли. Ответственность за содержание доклада несут исключительно авторы.

Астров Александр

Центрально-Европейский университет
Будапешт, Венгрия

Баггер Томас

Федеральное министерство иностранных дел
Германии
Берлин, Германия

Бордачев Тимофей

Национальный исследовательский
университет Высшая Школа Экономики
Москва, Россия

Барроуз Мэттью

Атлантический совет
Вашингтон, США

Вейсс, Жюстэн

Министерство иностранных дел
и международного развития
Париж, Франция

Зайончковский Войцех

Министерство иностранных дел Польши
Варшава, Польша

Игнатьев Майкл

Центрально-Европейский университет
Будапешт, Венгрия

Искандарян Александр

Институт Кавказа
Ереван, Армения

Кашин Василий

НИУ ВШЭ
Москва, Россия

Кортунов Андрей

Российский совет по международным делам
Москва, Россия

Ломагин Никита

Европейский университет
в Санкт-Петербурге
Санкт-Петербург, Россия

Ломанов, Александр

Российская Академия Наук
Москва, Россия

Лукьянов, Федор

НИУ ВШЭ
Москва, Россия

Мартони Янош

Бывший министр иностранных дел Венгрии
Будапешт, Венгрия

Миллер Алексей

Центрально-Европейский университет
Будапешт, Венгрия

Мнацаканян Рубен

Центрально-Европейский университет
Будапешт, Венгрия

Озел Соли

Университет Кадир Хас
Стамбул, Турция

Рибер Альфред

Центрально-Европейский университет
Будапешт, Венгрия

Саква Ричард

Университет Кента
Кент, Великобритания

Тамаш Пал

Венгерская академия наук
Будапешт, Венгрия

Сян Ланьсинь

Высший институт в Женеве
Женева, Швейцария

Чарап Самуэль

Международный институт стратегических
исследований
Вашингтон, США

Чжоу Ци

Университет Цинхуа
Пекин, Китай

Шапиро Джереми

Европейский совет по международным
отношениям
Лондон, Великобритания

Шаттук, Джон

Школа управления им. Джона Ф. Кеннеди
Кембридж, штат Массачусетс, США